



БЕЗДНА

18+

Александр Жигалов

Бездна

«Автор»

2026

Жигалов А. В.

Бездна / А. В. Жигалов — «Автор», 2026

Игорь Волков когда-то был лучшим следователем. Теперь он — никто. Алкоголик без работы, без семьи, без будущего. Но однажды раздаётся звонок. Леонид Дроздов — один из самых влиятельных людей Москвы — исчез. Среди бела дня. Из собственной машины. За тридцать секунд. Без следа. Бывшая жена Дроздова нанимает Волкова найти того, кого полиция найти не может. Или не хочет. Чем глубже он погружается в расследование, тем яснее понимает: исчезновение — лишь верхушка айсберга. Под ней — тридцать лет тайн и преступлений. Убитая женщина в подмосковном доме. И тень человека, чья власть простирается далеко за пределы закона. Те, кто стоит за исчезновением, дали Волкову сутки, чтобы остановиться. Сутки прошли. Теперь у него два пути: отступить и продолжить медленно умирать — или идти до конца. Мрачный триллер о падении и искуплении. О Москве, где за фасадами небоскрёбов скрываются тайны кровавых девяностых.

© Жигалов А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. стакан	6
Глава 2. Первая жена	12
Глава 3. Место	16
Глава 4. Партнёр	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Жигалов

Бездна

Книга первая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДНО

Глава 1. Стакан

Стакан стоял на краю стола. Дешёвый гранёный стакан с отколотым краем, в котором на два пальца плескалась тёплая водка. Игорь Сергеевич Волков смотрел на него так, как верующий смотрит на икону – с надеждой, что она ответит.

Стакан не отвечал.

За окном съёмной квартиры на Бутырской улице моросил октябрьский дождь. Не ливень – Москва в октябре редко позволяет себе такую роскошь. Просто мелкая, настырная морось, от которой не укрыться зонтом, которая проникает под воротник и остаётся на коже тонкой плёнкой, как чужой пот.

Квартира была однокомнатной, на третьем этаже хрущёвки, с потолками, под которыми Волков – метр восемьдесят семь ростом – чувствовал себя запертым в коробке. Обои в коридоре отклеились и свисали сухими жёлтыми языками. Линолеум на кухне пузырился. В ванной капал кран – мерно, упрямо, как метроном, отсчитывающий секунды жизни, которую Волков старательно тратил впустую.

Ему было сорок четыре года. Выглядел он на пятьдесят пять.

Когда-то – целую вечность назад, хотя на самом деле прошло всего три года – он носил чистые рубашки. Брился каждое утро. Пах одеколоном, который ему дарила жена на каждый день рождения, потому что он однажды сказал, что ему нравится, и она запомнила. Людмила всегда всё запоминала. Каждое слово, каждую дату, каждое обещание. Особенно – невыполненные.

Сейчас от Волкова пахло тем, чем пахнет мужчина, который третий день не мылся, второй день не менял одежду и первый день не ел ничего, кроме четвертинки чёрного хлеба с солью, – потому что больше в холодильнике ничего не было, а до магазина нужно было идти, а для этого нужно было встать.

Встать – это было самое трудное.

Не потому что болели ноги. Не потому что кружилась голова – хотя она кружилась. А потому что для того, чтобы встать, нужна причина. Точка, к которой ты идёшь. Направление. А у Волкова не было ни точки, ни направления. Только стакан на краю стола.

Он протянул руку – пальцы подрагивали, совсем чуть-чуть, – взял стакан и выпил. Водка была тёплой и горькой. Она обожгла горло, упала в пустой желудок, и на несколько секунд мир стал чуть мягче. Края предметов слегка расплылись. Трещина в потолке стала просто трещиной, а не символом.

Волков поставил стакан. Бутылка рядом – «Пшеничная», сто сорок девять рублей в «Красном & Белом» – была пуста.

Он достал из кармана мятых джинсов телефон. Экран треснул в правом верхнем углу – уронил два месяца назад, когда было скользко, и он был пьян, и было темно. Впрочем, последние три условия в его жизни выполнялись одновременно почти каждый вечер.

Три пропущенных вызова. Все три – от Кости Бирюкова.

Волков смотрел на имя, высветившееся на экране, и пытался решить, хочет ли он перезванивать. Костя был единственным человеком из прошлой жизни, который ещё звонил. Не из жалости – хотя жалость, конечно, тоже присутствовала, – а скорее из того упрямого чувства долга, которое свойственно людям, служившим вместе.

Они познакомились двенадцать лет назад, в Следственном комитете, когда Волков вёл дело об убийстве предпринимателя в Подольске, а Бирюков – тогда ещё лейтенант полиции – обеспечивал оперативное сопровождение. Дело было грязным: жену предпринимателя изна-

силовали и убили вместе с ним, двенадцатилетнего сына заперли в подвале, где он просидел двое суток рядом с телами родителей, пока соседи не вызвали полицию из-за запаха.

Волков тогда не спал четыре дня. Нашёл убийц – двоих, оба ранее судимы, оба – наркоманы, залезли ограбить, застали хозяев дома. Нашёл, задержал, довёл до суда. Получил благодарность руководства и бутылку коньяка от Бирюкова.

Они стали друзьями – настолько, насколько двое мужчин, работающих с трупами и человеческой мерзостью, способны дружить. Без объятий, без душевных разговоров, без совместных отпусков. Просто – Волков знал, что может позвонить Бирюкову в три часа ночи, и тот возьмёт трубку. И наоборот.

Телефон зазвонил снова. Бирюков.

Волков подумал ещё секунду. Потом нажал на зелёную кнопку.

– Да.

– Живой? – голос Кости был хриплым. Он курил с шестнадцати лет, по пачке в день, и его голос звучал так, будто слова проходили через наждачную бумагу.

– Относительно.

– Это как?

– Дышу. Остальное – спорно.

Пауза. Волков слышал, как Бирюков затянулся сигаретой. Выдохнул.

– Ты мне нужен, Игорь.

– Нет.

– Ты даже не выслушал.

– Мне не нужно слушать. Ответ – нет. Я не работаю. Я больше не следователь. У меня нет лицензии. У меня нет...

– У тебя нет денег, – перебил Бирюков. – У тебя нет еды в холодильнике. У тебя долг за квартиру – четыре месяца. Хозяин – я узнавал – готов тебя выселить. У тебя нет ни одной чистой рубашки, и ты последний раз стригся, когда Путин ещё ездил на саммит «Большой восьмёрки». Я всё правильно описываю?

Волков промолчал.

– Игорь, – голос Бирюкова стал тише. – Я не прошу тебя возвращаться в строй. Я прошу тебя выслушать. Одна встреча. Один разговор. Если скажешь «нет» – я отстану. Слово.

– Чьё слово?

– Моё. Когда моего слова было недостаточно?

Никогда. В этом была проблема. Бирюков никогда не обманывал. Не преувеличивал. Не давал пустых обещаний. Если он говорил «одна встреча» – значит, одна встреча.

– Когда?

– Сегодня. Через два часа. Я заеду.

– Я не в форме.

– Я знаю, в какой ты форме. Прими душ и побрейся. Остальное не имеет значения.

Бирюков повесил трубку.

Волков положил телефон на стол. Посмотрел на пустую бутылку. Посмотрел на стакан с отколотым краем. Посмотрел в окно, за которым всё так же моросило.

Потом встал.

Это далось ему тяжелее, чем должно было. Колени хрустнули. В висках толкнулась тупая боль. Перед глазами поплыли чёрные мушки – верный признак того, что давление скачет, что печень работает через силу, что тело, которое когда-то могло пробежать десять километров и подтянуться двадцать раз, теперь с трудом несёт само себя от кухни до ванной.

В ванной он посмотрел в зеркало.

Зеркало – это единственная вещь в мире, которая никогда не врёт. Люди врут. Фотографии врут – на них всегда лучше или хуже, чем в жизни. Воспоминания врут – они подкрашивают прошлое в тёплые тона. Но зеркало говорит правду. Всегда.

Из зеркала на Волкова смотрел мужчина с серым лицом. Не бледным – именно серым, как бетонная стена, как ноябрьское небо, как пепел. Щёки ввалились. Под глазами – мешки, набрякшие, синюшные, как будто кто-то аккуратно подкрасил их фиолетовой акварелью. Волосы – тёмные, когда-то густые – поредели и свисали сальными прядями. Щетина – пятидневная, неровная – покрывала нижнюю половину лица, как мох на камне.

Но глаза.

Глаза были хуже всего. Потому что в них было ничего. Не боль, не злость, не отчаяние. Просто – ничего. Пустота, какая бывает в заброшенных зданиях, из которых вынесли всю мебель, содрали обои и выбили окна.

Волков открыл кран. Вода была холодной – горячую он не оплачивал, отключили. Он подставил ладони, набрал воды, плеснул в лицо. Ещё раз. Ещё.

Потом нашёл бритву – одноразовый станок, тупой, – и начал бриться. Без пены, холодной водой. Бритва драла кожу. Он порезался дважды – на подбородке и под правой скулой. Кровь смешалась с водой, потекла по шее.

Душ он принял холодный – выбора не было. Стоял под ледяными струями, стиснув зубы, чувствуя, как тело покрывается мурашками, как сжимаются мышцы, как из груди рвётся произвольный стон. Но когда вышел – почувствовал себя чуть более живым. Как будто холод выбил из него часть той тупой ваты, которая заполняла голову последние месяцы.

Оделся. Единственные чистые джинсы – тёмные, мятые. Серый свитер с растянутым воротом. Куртка – старая кожаная, потёртая, но ещё крепкая. Он купил её десять лет назад, когда они с Людмилой ездили в Прагу. Единственный их заграничный отпуск. Она выбрала ему эту куртку в маленьком магазине на Вацлавской площади, и он носил её с тех пор, не снимая.

Людмила.

Нет. Не сейчас.

Он сел на продавленный диван и стал ждать Бирюкова.

Бирюков приехал ровно через два часа. Волков видел из окна, как к дому подъехал серый «Фольксваген Пассат» – не новый, но чистый. Бирюков всегда следил за машиной. «Машина – как оружие, – говорил он. – Грязное оружие – ненадёжное оружие».

Звонок в дверь – два коротких, один длинный. Их старый условный сигнал, придуманный бог знает когда и непонятно зачем.

Волков открыл.

Бирюков стоял на площадке в расстёгнутом сером пальто, под которым была чёрная водолазка. Ему было сорок семь, и выглядел он на свои сорок семь – ни больше, ни меньше. Широкоплечий, с военной выправкой, с аккуратно подстриженными седыми висками и тёмными, внимательными глазами, которые, казалось, фотографировали всё, на что смотрели, и сохраняли навсегда.

Он окинул Волкова взглядом – быстрым, профессиональным. Волков знал, что Бирюков сейчас оценивает: координация движений, цвет кожи, расширение зрачков, тремор рук. Считывает, как сканер считывает штрих-код.

– Побрился, – сказал Бирюков. – Уже прогресс. Порезался, правда.

– Бритва тупая.

– Купи новую.

– На какие деньги?

Бирюков не ответил. Он зашёл в квартиру, и Волков увидел, как его ноздри чуть дрогнули – запахом. Запахом нестираного белья, пустых бутылок, прокисшей еды и одиночества. У одиноче-

ства есть свой запах. Его невозможно описать словами, но каждый, кто жил один достаточно долго, знает его. Кисловатый, затхлый, как воздух в комнате, где давно не открывали окно.

Бирюков ничего не сказал. Прошёл на кухню, сел на шаткий табурет, достал из внутреннего кармана пальто плоскую флягу.

– Коньяк, – сказал он. – Нормальный, не палёный. Будешь?

– Ты же знаешь ответ.

Бирюков отвинтил крышку, протянул Волкову. Тот сделал глоток. Коньяк был хорошим – тёплым, с ореховым привкусом, без спиртовой отдачи. Совсем не похож на то, что Волков пил последние месяцы.

– Спасибо.

Бирюков забрал флягу, сделал глоток сам. Убрал.

– Рассказывай, – сказал Волков.

– Сначала предыстория. Ты знаешь, кто такой Леонид Андреевич Дроздов?

Волков знал. Вернее – слышал. Дроздов был из тех людей, чьи имена мелькают на периферии новостных сводок. Не на первых полосах – те, кто по-настоящему влиятелен, на первые полосы попадают редко. Они существуют в тени, в закулисье, в тех кабинетах, двери которых не имеют табличек.

– Девелопер, – сказал Волков. – Строительный бизнес. «Дроздов Групп», если не ошибаюсь. Жилые комплексы, торговые центры. Крупный игрок, но не самый крупный. Был замешан в каком-то скандале с землёй... Подмосковье, кажется.

– Неплохо для человека, который утверждает, что больше не работает, – Бирюков чуть улыбнулся. – Но ты описал только фасад. Дроздов – это больше, чем девелопер. Намного больше.

Он помолчал, подбирая слова.

– Леонид Андреевич Дроздов – один из тех людей, которые решают, как будет выглядеть Москва через десять лет. Не архитекторы – те рисуют. Не мэрия – те подписывают. Дроздов – это человек, который сидит между деньгами и властью и переводит одно в другое. У него связи в правительстве Московской области, в нескольких федеральных министерствах, в банковском секторе. Его строительные проекты – это верхушка айсберга. Под водой – земля, контракты, тендеры, схемы финансирования, которые я даже описать не смогу, потому что у меня экономического образования нет.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому что четыре дня назад Леонид Андреевич Дроздов исчез.

Тишина. Только кран капал в ванной.

Волков поднял глаза на Бирюкова.

– Исчез?

– Исчез. Полностью. Без следа.

– Люди не исчезают без следа.

– Этот – исчез.

Бирюков достал из кармана пальто свёрнутый лист бумаги. Развернул, положил на стол перед Волковым. Фотография – распечатка, не очень качественная, но достаточная. Мужчина лет шестидесяти. Крупное лицо, тяжёлый подбородок, высокий лоб с залысинами. Глаза – светлые, почти прозрачные, с выражением человека, привыкшего к тому, что его слушают. Дорогой костюм, дорогой галстук, дорогие часы на запястье.

– Шестьдесят два года, – продолжил Бирюков. – Женат вторым браком, двое детей от первого, один – от второго. Живёт – жил – в Барвихе, в доме, который стоит больше, чем вся эта улица вместе с жителями. В четверг, семнадцатого октября, вышел из дома в восемь тридцать утра. Сел в машину – чёрный «Мерседес S-класса», за рулём водитель, личная охрана в машине сопровождения. Поехал в офис. В девять пятнадцать машина кортежа остановилась на

светофоре на Рублёво-Успенском шоссе. «Мерседес» Дроздова проехал на зелёный. Машина охраны задержалась – на перекрёсток выехал грузовик, пришлось пропускать. Задержка – тридцать секунд. Когда охрана догнала «Мерседес», он стоял на обочине. Двигатель работал. Двери закрыты. Водитель – за рулём. Без сознания.

– Как – без сознания?

– Именно так. Спал. Или был в отключке – токсикология показала следы сильного седативного препарата. Инъекция в шею, маленький след от иглы, почти незаметный. Водитель ничего не помнит. Говорит – ехали нормально, потом вдруг стало темно. Очнулся – машина стоит, рядом охрана стучит в окно.

– А Дроздов?

– Заднее сиденье – пустое. Дроздова в машине не было. Его телефон, портфель, ноутбук – всё на месте. Пальто – на сиденье. Он пропал в одном костюме. В октябре. На Рублёвке. Среди бела дня. За тридцать секунд.

Волков молчал. Он смотрел на фотографию Дроздова и чувствовал – впервые за долгое, очень долгое время – как что-то шевельнулось у него внутри. Не интерес – для интереса он был слишком разбит. Скорее – рефлекс. Как у старой охотничьей собаки, которая давно не бегала, но при звуке выстрела всё ещё поднимает уши.

– Полиция? – спросил он.

– Дело возбуждено. Похищение. Ведёт Главное следственное управление по Московской области. Официально – работают. Неофициально – стоят. Никаких зацепок. Камеры на том участке шоссе – и это чертовски удобное совпадение – не работали. Техническая неисправность. Все четыре камеры в радиусе двух километров отключились в девять ноль семь и включились в девять двадцать две. Тринадцать минут.

– Отключились одновременно?

– Одновременно.

– Это не совпадение.

– Я знаю, что это не совпадение. Ты знаешь, что это не совпадение. Следствие знает, что это не совпадение. Но доказать это – другая история. Камеры принадлежат «Ростелекому», обслуживание – субподрядчик, серверы – в другом субподрядчике. Цепочка ответственности такая длинная, что к тому времени, когда доберутся до конца, дело покроется пылью.

– Требование выкупа?

– Нет. Ни звонка, ни письма, ни сообщения. Четыре дня – и тишина. Семья в панике. Жена – вторая, Елена – звонит каждые два часа в следственный отдел. Дети от первого брака – сын Максим и дочь Алиса – наняли адвокатов. Бизнес-партнёры Дроздова нервничают. Акции «Дроздов Групп» на бирже упали на одиннадцать процентов.

– И при чём тут я?

Бирюков посмотрел на него. Долго, внимательно, без улыбки.

– При тебе тут – Марина Дмитриевна Дроздова. Первая жена. Она пришла ко мне вчера. Не знаю, как нашла, – через общих знакомых, наверное. Она не доверяет следствию. Не доверяет адвокатам, которых наняли дети. Не доверяет полиции. Она хочет нанять частного детектива. Хорошего.

– Я не хороший. Я бывший.

– Ты лучший, Игорь. Был лучшим. И мог бы быть.

– Мог бы – это не есть.

– Она готова платить. Много. Наличными. Без договора, без бумаг, без отчётов. Она хочет знать, что случилось с её бывшим мужем. Не для суда – для себя.

Волков потёр лицо ладонями. Щетина – хоть он и побрился, подбородок всё равно был шершавым – царапнула ладони.

– Костя, посмотри на меня. Я алкоголик. У меня трясутся руки. Я последний раз вёл расследование три года назад, и оно закончилось тем, что меня вышвырнули из Комитета, отобрали удостоверение и запретили приближаться к правоохранительной системе на пушечный выстрел. Я не могу вести это дело.

– Ты можешь. Ты просто не хочешь. А это – разные вещи.

Волков встал. Подошёл к окну. Посмотрел на двор – мокрый асфальт, ржавые качели, бабка с таксой, три машины на парковке, мусорные баки. Маленький серый мир, в котором он жил последние три года и который – он понимал это с абсолютной, кристальной ясностью – медленно его убивал.

Он мог сказать «нет». Мог закрыть дверь за Бирюковым, достать из-под раковины ещё одну бутылку – там была одна, последняя, припрятанная на совсем чёрный день – и продолжить делать то, что делал: ждать, пока сердце остановится, или пока печень откажет, или пока хозяин квартиры сменит замки.

Мог.

Но в голове – там, где три года была только вата, – что-то тикало. Камеры, отключившиеся одновременно. Тридцать секунд. Седативный препарат. Никакого выкупа. Человек, исчезнувший из движущегося автомобиля на людном шоссе среди бела дня.

Это было невозможно. А невозможное – если исключить чудеса, в которые Волков не верил, – всегда имеет объяснение. Логичное, земное, скучное объяснение, спрятанное за ширмой кажущейся невозможности.

– Где и когда? – спросил он, не оборачиваясь.

– Через три часа. Ресторан «Белуга» на Пречистенке. Отдельный кабинет. Марина Дмитриевна будет ждать.

– «Белуга», – Волков невесело усмехнулся. – Я в «Белугу» в таком виде не попаду.

– Попадёшь. Я договорился.

Бирюков встал, застегнул пальто.

– Игорь, – сказал он уже в дверях. – Я не говорю тебе, что это тебя спасёт. Я не знаю, что тебя спасёт. Может быть – ничего. Но это хотя бы причина проснуться завтра утром. А у тебя сейчас такой причины нет.

Он ушёл. Дверь закрылась.

Волков стоял у окна и смотрел, как серый «Пассат» выезжает со двора.

Потом пошёл на кухню, открыл шкаф под раковиной, достал последнюю бутылку. Посмотрел на неё. Поставил обратно.

Не потому что принял решение бросить. Не потому что почувствовал прилив сил. А потому что через три часа ему нужно было быть в ресторане, и появляться там пьяным было нельзя. Не из-за приличий – на приличия ему было плевать. А потому что пьяный мозг не видит деталей. А детали – это единственное, в чём Волков когда-то был хорош.

Он сел на диван. Закрыв глаза.

И впервые за три года начал думать.

Глава 2. Первая жена

Ресторан «Белуга» располагался в старинном особняке на Пречистенке – одной из тех московских улиц, где каждый дом стоит дороже, чем годовой бюджет иного провинциального города. Фасад – кремовый, с лепниной, с коваными фонарями у входа. Тяжёлая дубовая дверь с латунной ручкой. За дверью – тишина, приглушённый свет, запах дорогой еды и ещё более дорогого парфюма.

Волков шёл от метро «Кропоткинская» пешком – на такси денег не было, а Бирюков уехал по своим делам, пообещав, что швейцар предупреждён. Дождь усилился. Куртка промокла. Волосы – он попытался их причесать, но без особого успеха – прилипли ко лбу.

Швейцар – молодой парень в чёрном костюме, с лицом, выражающим вежливое равнодушие ко всему живому, – окинул Волкова взглядом, который в другой ситуации можно было бы назвать презрительным. Но он был хорошо вышколен.

– Волков? – спросил швейцар.

– Да.

– Вас ждут. Второй этаж, кабинет «Онегин».

Кабинет «Онегин». Разумеется. В Москве половина ресторанов называла свои кабинеты именами литературных героев, как будто это добавляло жареной утке культурной ценности.

Волков поднялся по мраморной лестнице с чугунными перилами. На втором этаже – коридор с приглушённым светом, бордовые стены, картины в золотых рамах. Официант – ещё один молодой человек в безупречном костюме – провёл его к двери кабинета, открыл, впустил.

Кабинет был небольшим – на четверых, максимум на шестерых. Круглый стол, белая скатерть, хрусталь, серебро. На стене – действительно портрет Пушкина, потому что, видимо, владелец ресторана считал, что если назвал кабинет «Онегин», то без Пушкина никак.

За столом сидела женщина.

Ей было, вероятно, за пятьдесят – Волков затруднился бы сказать точнее. Не потому что она молодилась – хотя, безусловно, деньги позволяли ей выглядеть лучше, чем большинство её ровесниц. А потому что у неё было лицо, которое не определялось возрастом. Строгое, с чёткими скулами, с тонким прямым носом, с губами, сжатыми в линию, которая говорила: «Я привыкла, что мне причиняют боль, и я перестала удивляться». Глаза – карие, большие, без косметики – смотрели прямо. Без вызова, без просьбы. Просто – прямо.

Тёмные волосы, коротко подстриженные, с заметной проседью, которую она не красила – намеренно или по безразличию, Волков не мог определить. Одежда – чёрный свитер из тонкой шерсти, тёмно-серые брюки, никаких украшений, кроме обручального кольца на правой руке. Обручальное кольцо от первого брака, которое она носила до сих пор.

Волков отметил это. Профессиональная привычка – замечать детали, даже когда мозг работает на четверть мощности.

– Марина Дмитриевна?

– Да. Вы – Волков?

– Игорь Сергеевич. Садитесь, пожалуйста.

– Я стою.

Пауза.

– Хорошо. Тогда давайте оба сядем.

Он сел. Она продолжала смотреть на него – и он видел, как она его оценивает. Видел, как её взгляд скользит по мятому свитеру, по порезам на подбородке, по красным белкам глаз, по пальцам, которые он спрятал под стол, потому что они чуть подрагивали.

– Бирюков говорил, что вы лучший, – сказала она ровным голосом, без интонации. – Что вы раскрывали дела, которые другие считали нерешаемыми.

– Бирюков мне льстит.

– Он также сказал, что вы пьёте.

– Бирюков не льстит.

Она чуть наклонила голову – жест, который мог означать что угодно.

– Мне всё равно, пьёте вы или нет. Мне важен результат. Вы можете пить утром, днём, вечером, ночью – мне безразлично. Если вы найдёте моего мужа.

– Бывшего мужа, – машинально поправил Волков.

Она посмотрела на него так, что он пожалел о своих словах. Не злость – что-то другое. Что-то, что он не сразу опознал, а когда опознал, почувствовал укол. Тоска. Старая, привычная, вросшая в лицо, как морщины.

– Мы развелись четырнадцать лет назад, – сказала она. – Но Леонид – отец моих детей. И до тех пор, пока я не узнаю, что с ним произошло, я не перестану его искать.

– Расскажите мне о нём.

Она помолчала. Потом заговорила – ровно, размеренно, как человек, который заранее решил, что будет говорить, и в каком порядке.

– Мы познакомились в восемьдесят девятом году. Мне было двадцать два, ему – двадцать семь. Он был инженером-строителем, работал в проектно-институте. Я – преподавателем в школе. Русский язык и литература. Мы поженились через год. Родился Максим. Через четыре года – Алиса.

Она сделала паузу. Официант бесшумно появился в дверях. Волков жестом попросил воды. Марина Дмитриевна не заказала ничего.

– В девяносто третьем Леонид ушёл из института и начал заниматься бизнесом. Строительство. Сначала – маленькие объекты, ремонты, субподряды. Потом – больше. К двухтысячному году у него уже была компания с оборотом в несколько миллионов долларов. К две тысячи пятому – с оборотом в десятки миллионов. Он менялся. Я это видела. Каждый год он становился чуть более чужим. Не злым – нет. Леонид никогда не был злым. Он становился... отсутствующим. Как будто каждый день от него отламывался маленький кусочек и уходил куда-то – в бизнес, в деньги, в ту жизнь, к которой я не имела отношения.

Волков слушал. Он не перебивал – давно усвоил, что люди, когда рассказывают о тех, кого любили, говорят не для слушателя. Они говорят для себя. И в этом рассказе – в паузах, в недоговорённостях, в словах, которые выбраны, и в словах, которые опущены, – содержится информация. Иногда – больше, чем в любом официальном документе.

– В две тысячи десятом он ушёл. К Елене. Ей тогда было двадцать шесть. Я не устраивала скандалов. Не нанимала адвокатов. Не пыталась получить половину его состояния, хотя имела на это право. Он оставил нам квартиру в Москве и обеспечил детей. Развод был тихим. Мы договорились, что он будет видеться с Максимом и Алисой когда захочет.

– И он видится?

– Виделся. Раз в месяц, иногда – реже. С Алисой – чаще. Она его любит. Максим...

Она замолчала. Волков ждал.

– Максим сложнее. Он не простил отцу уход. Ему было двадцать, когда Леонид ушёл. Двадцатилетние мальчики умеют ненавидеть. Это проходит, но у Максима – не прошло.

– Сколько ему сейчас?

– Тридцать четыре. Он работает в «Дроздов Групп». Леонид взял его к себе пять лет назад. Руководитель одного из подразделений. Развитие проектов, что-то связанное с новыми площадками. Я не очень разбираюсь в деталях.

– Человек, который не простил отцу уход, – работает на отца?

Она посмотрела на Волкова остро.

– Вы наблюдательны.

– Это моя работа. Была.

– Максим амбициозен. Он решил, что лучший способ доказать отцу, что тот был неправ, – превзойти его на его же территории. Это... не самая здоровая мотивация, я понимаю. Но это его выбор.

– Алиса?

– Алисе тридцать. Она не работает. Живёт на деньги отца. У неё квартира в Хамовниках и привычка тратить больше, чем она зарабатывает. Что, учитывая, что она не зарабатывает ничего, – задача несложная.

В голосе Марины Дмитриевны не было осуждения. Констатация факта, не более.

– Вторая жена – Елена?

– Елена Викторовна, урождённая Панкратова. Тридцать девять лет. Бывшая модель – не самая успешная, но достаточно красивая, чтобы Леонид обратил внимание. У них сын, Артём, ему двенадцать.

– Какие у вас отношения с Еленой?

– Никаких. Мы виделись дважды – на дне рождения Алисы и на похоронах матери Леонида. Оба раза – вежливо и коротко. Она меня не любит. Я её – не ненавижу. Этого достаточно.

Принесли воду. Волков выпил полстакана. Руки всё ещё чуть дрожали, но меньше – коньяк, выпитый у Бирюкова, ещё работал.

– Марина Дмитриевна, – сказал он, – я должен задать вам несколько прямых вопросов. Некоторые из них будут неприятными.

– Задавайте.

– Вы допускаете, что Леонид Андреевич мог организовать своё исчезновение сам?

Она не вздрогнула. Не удивилась. Волков видел, что она ждала этого вопроса.

– Допускаю.

– Почему?

– Потому что последние полгода у Леонида были проблемы. Большие проблемы. Я не знаю деталей – мы с ним не обсуждали бизнес. Но Алиса рассказывала. Максим – молчал, но я видела по его лицу. Что-то шло не так. Проекты, финансирование, партнёры – я не знаю что именно, но Леонид был... напряжён. Алиса говорила, что он стал плохо спать. Что похудел. Что кричал на людей – а он никогда не кричал. Леонид умел злиться тихо. Если он начал кричать – значит, ситуация была серьёзной.

– Финансовые проблемы?

– Возможно. Или не только финансовые. Я не знаю. Именно для этого мне нужны вы.

Волков откинулся на спинку стула. Посмотрел на портрет Пушкина на стене. Пушкин смотрел на него с выражением лёгкой скуки, как будто ему тоже было неинтересно.

– Марина Дмитриевна, я должен быть честен. У меня нет лицензии частного детектива. Нет доступа к базам данных. Нет полномочий допрашивать свидетелей, запрашивать записи камер, получать телефонные распечатки. Всё, что я могу делать, – это разговаривать с людьми и думать. Этого может оказаться недостаточно.

– Этого может оказаться достаточно, – ответила она. – Бирюков сказал, что вы раскрыли дело Маслова. В две тысячи семнадцатом. Убийство, которое следственная бригада из двенадцати человек не могла раскрыть четыре месяца. Вы раскрыли его за три недели. С помощью – цитирую Бирюкова – «одного блокнота, одной карты и отказа верить в очевидное». Это правда?

Дело Маслова. Волков не хотел вспоминать дело Маслова. Не потому что оно было трудным – наоборот, оно было на удивление простым, когда он понял ключ. А потому что дело Маслова было последним делом, которое он вёл до того, как всё рухнуло. До того, как Людмила. До того, как суд. До того, как бутылка стала его единственным собеседником.

– Это правда, – сказал он. – Но это было три года назад. С тех пор я... изменился.

– Все меняются. Вопрос – в какую сторону. – Она достала из сумки конверт. Положила на стол. – Здесь – аванс. Сто тысяч рублей. Наличными. По результатам – ещё. Столько, сколько скажете. Я не бедная женщина, Игорь Сергеевич. Леонид оставил мне достаточно.

Волков смотрел на конверт. Сто тысяч рублей. Для него сейчас – это было состояние. Четыре месяца аренды. Еда. Одежда. Бритвенные станки. Горячая вода – если он заплатит долг. Но не поэтому он протянул руку и взял конверт.

Он взял его, потому что в голове – там, где тикало – тикало всё громче. Камеры. Тридцать секунд. Тринадцать минут без записи. Человек, исчезнувший из машины. Без следа. Без выкупа.

– Мне нужен список, – сказал он. – Все, кто имел доступ к Дроздову. Семья, партнёры, сотрудники, водитель, охрана. Все. С телефонами.

– Будет завтра утром.

– Мне нужно поговорить с водителем.

– Его зовут Олег Петрович Тарасов. Работает на Леонида девять лет. Он сейчас у полиции – его допрашивают уже четвёртый день, с перерывами. Но я попробую организовать.

– Мне нужно побывать на месте. Рублёво-Успенское шоссе, точка, где остановился «Мерседес».

– Бирюков вас отвезёт. Я договорюсь.

Волков кивнул. Допил воду. Встал.

– Марина Дмитриевна, последний вопрос.

– Да?

– Вы сказали, что не доверяете следствию. Почему?

Она помолчала. Потом сказала – тихо, но твёрдо:

– Потому что Леонид знал людей, которые не хотят, чтобы его нашли. И некоторые из этих людей – в погонах.

Она не стала объяснять. Волков не стал спрашивать. Он кивнул и вышел из кабинета, унося с собой конверт с деньгами и ощущение, что он только что шагнул с обрыва в темноту.

В темноту – это было нормально. Он давно жил в темноте.

Но раньше темнота была пустой.

Теперь в ней что-то было.

Глава 3. Место

Утро двадцать второго октября – пять дней после исчезновения Дроздова – началось с того, что Волков проснулся без похмелья. Это было настолько непривычно, что он несколько секунд лежал, глядя в потолок, и пытался понять, что не так.

Не так было всё. Он не пил вчера вечером. Пришёл домой после встречи с Мариной Дмитриевной, сел за стол, достал блокнот – старый, в клетку, с мятой обложкой – и начал писать. Не связный текст, нет. Слова, стрелки, вопросительные знаки. Схему.

Дроздов Л.А. – исчезновение 17.10.

Рублёво-Успенское шоссе. 09:07–09:22 – камеры отключены.

Водитель – Тарасов О.П. – седативный препарат. Инъекция.

Охрана – задержка 30 сек. Грузовик на перекрёстке.

Выкуп – НЕТ.

Он подчеркнул последнее слово дважды. Отсутствие требования выкупа – это был ключевой факт. Если цель похищения – деньги, выкуп требуют быстро. Обычно – в первые часы. Каждый час задержки – это риск. Похитители это знают. Четыре дня без требования выкупа означали одно из трёх.

Первое: Дроздов мёртв. Похищение пошло не по плану, жертву убили – случайно или намеренно – и теперь похитители избавляются от тела и заматают следы.

Второе: цель – не деньги. Есть другие причины для похищения. Политические, деловые, личные. Давление на кого-то через Дроздова. Устранение конкурента. Мечь.

Третье: Дроздов организовал исчезновение сам. Бежал. От кого или от чего – это другой вопрос.

Волков написал все три варианта в блокноте. Обвёл третий.

Инстинкт – а у следователей, как у хирургов, инстинкт заменяет половину логики – говорил ему, что третий вариант наиболее вероятен. Камеры, отключённые одновременно, – это требует подготовки, технических знаний и доступа. Грузовик, перекрывший перекрёсток в нужный момент, – это требует координации. Седативный препарат, введённый водителю через инъекцию, – это требует медицинских навыков или хотя бы знания анатомии.

Это не было спонтанным нападением. Это была операция. Спланированная, отрепетированная, исполненная с точностью, которая говорила о профессионализме.

Но чей профессионализм? Внешних похитителей? Или самого Дроздова?

Звонок телефона вырвал его из размышлений. Бирюков.

– Я внизу. Через десять минут выходи.

Волков оделся. Те же джинсы, тот же свитер, та же куртка. Но он успел постирать свитер вечером – в холодной воде, руками, в раковине, потому что стиральная машина в квартире отсутствовала. Свитер был ещё влажным, но чистым. Это было что-то.

На улице – всё тот же дождь. Москва в октябре.

Бирюков ждал в машине. На пассажирском сиденье – бумажный пакет.

– Завтрак, – сказал он. – Два бутерброда и кофе. Ешь.

Волков ел, пока они выезжали из города. Бутерброды – с сыром и ветчиной, самые обычные, из ближайшей «Пятёрочки» – показались ему лучшей едой, которую он пробовал за последние месяцы. Кофе – горячий, сладкий – обжог язык, но Волков пил жадно, обеими руками обхватив стакан.

Бирюков молчал. Он вёл машину спокойно, уверенно, обеими руками на руле, и молчал. Это было одно из его лучших качеств – умение молчать, когда молчание нужнее слов.

Они выехали на Рублёво-Успенское шоссе. Москва осталась позади – за МКАД-ом дождь перешёл в туман, и деревья по обочинам стояли в молочной мгле, как призраки.

– Место – через четыре километра, – сказал Бирюков. – Я узнал точные координаты. Между посёлком Раздоры и поворотом на Барвиху.

– Следственная группа?

– Я проверил. Место осмотрели в день исчезновения. Криминалисты отработали – без результатов. На асфальте – никаких следов торможения, никаких следов другой машины. «Мерседес» стоял на обочине, как будто водитель просто остановился передохнуть. Никаких свидетелей – шоссе в этом месте проходит через лесной массив, до ближайших домов – четырёхста метров.

– Четырёхста метров, – повторил Волков. – Лес?

– Смешанный. Берёзы, ели. С обеих сторон шоссе. Густой.

– Пешком через лес – четырёхста метров до жилья. Сколько это по времени?

– Минут десять. Может – пятнадцать, если через подлесок.

– Значит, теоретически Дроздов – или тот, кто его забрал, – мог уйти через лес к жилому посёлку. Или к другой машине, припаркованной на параллельной дороге.

– Теоретически – да. Практически – следственная группа прочёсывала лес. Ничего не нашли. Ни следов, ни вещей, ни обломков.

– Октябрь. Дождь. Почва мягкая. Следы должны были остаться.

– Должны были. Но не остались.

Волков молчал. Он смотрел на дорогу – мокрый асфальт, двойная сплошная, отбойник слева, лес справа – и думал.

Бирюков притормозил.

– Вот здесь.

Обочина. Ничем не отличающаяся от десятков других обочин на этом шоссе. Асфальт, гравий, мокрая трава, за ней – лес. Деревья стояли стеной, сомкнув кроны, и даже в бледном дневном свете между стволами было темно.

Волков вышел из машины.

Воздух пах мокрой землёй, прелыми листьями и бензином от проезжающих машин. Шоссе здесь было прямым – видимость вперёд и назад составляла метров триста, дальше дорога уходила в плавный поворот. Полос – четыре, по две в каждую сторону. Разделительная – бетонный отбойник.

Волков стоял на обочине и смотрел.

Камера – вон, на столбе, в ста метрах. Обычная дорожная камера, серый короб с объективом, направленным на проезжую часть. Не работала в тот день. Как и три других в радиусе двух километров.

Он подошёл к столбу. Посмотрел вверх. Камера висела на высоте четырёх метров, на металлическом кронштейне. К столбу шёл кабель – толстый, чёрный, в пластиковой оплётке, уходящий в землю. Рядом с основанием столба – металлический шкаф, запёртый на замок. Коммутационный шкаф, где кабель подключается к распределительной линии.

Волков присел на корточки. Посмотрел на замок. Обычный навесной, без следов взлома. Но.

Он заметил кое-что. На земле, рядом с основанием шкафа, – след. Не отпечаток ноги – скорее вмятина, как будто кто-то ставил что-то тяжёлое. Прямоугольное. Размером с... сумку? Кейс?

– Костя, – позвал он.

Бирюков подошёл.

– Видишь? – Волков показал на вмятину.

– Вижу. Что это?

– Не знаю. Но это свежее. Дождь идёт четвёртый день, а вмятина чёткая. Значит, оставлена недавно. Может быть – в день исчезновения. Кто-то ставил сюда что-то тяжёлое, рядом с коммутационным шкафом.

– Оборудование для глушения сигнала?

– Или для перехвата. Или для отключения. Камеры подключены к сети через оптоволоконно. Если кто-то подключился к кабелю в этом шкафу и подал сигнал на отключение... это возможно?

Бирюков достал телефон.

– Я узнаю. У меня есть знакомый в «Ростелекоме» – на техническом уровне, не в руководстве.

– Узнай. И ещё – выясни, кто обслуживает эти шкафы. У кого есть ключ от замка.

Волков выпрямился. Огляделся.

Лес. Тёмный, мокрый, молчаливый. Деревья стояли так густо, что уже в десяти метрах от обочины не было видно ничего – только стволы, ветки и бурая подстилка из палых листьев.

– Я войду в лес, – сказал Волков.

– Зачем? Криминалисты уже...

– Криминалисты искали следы. Я ишу маршрут.

Он шагнул с обочины на мокрую траву. Ботинки – старые, с потрескавшейся подошвой – сразу промокли. Плевать. Он шёл вперёд, раздвигая ветки, перешагивая через корни, и считал шаги.

Десять. Двадцать. Тридцать.

На тридцатом шаге он остановился.

Земля здесь была мягкой – не грязь, но близко. И в этой мягкой земле он увидел то, чего не нашли криминалисты, – потому что они искали в другом месте.

Колея. Две параллельные полосы, продавленные в листве и грунте. Узкие, ровные, с расстоянием между ними – Волков измерил на глаз – около шестидесяти сантиметров. Не от машины – от машины колея была бы шире. Не от телеги – слишком ровные.

Квадроцикл.

Или мотовездеход. Что-то маленькое, маневренное, способное проехать через лес по бездорожью. Что-то, на что можно посадить человека – или погрузить бессознательное тело – и увезти от шоссе через лес к параллельной дороге за четыреста метров.

Волков присел. Провёл пальцем по краю колеи. Земля была влажной, но профиль протектора – различим. Глубокий, агрессивный, как у вездеходной резины.

Он достал телефон. Сфотографировал колею – три кадра с разных углов. Потом пошёл по ней дальше, вглубь леса.

Колея вела прямо – удивительно прямо для лесного маршрута. Как будто тот, кто ехал, знал дорогу. Знал, где между деревьями достаточно места для проезда. Знал, где нет упавших стволов, где нет ям. Значит – проехал этот маршрут заранее. Разведка.

Через двести шагов колея вывела его на грунтовую дорогу – узкую, разбитую, почти невидимую с шоссе. Дорога шла параллельно Рублёвке, петляя между деревьями, и через триста метров выходила на улицу посёлка – Волков увидел забор, крышу дома, ворота.

Он стоял на этой грунтовой дороге, мокрый, с грязными ботинками, с каплями дождя на лице, и чувствовал то, что не чувствовал три года.

Азарт.

Нет – не азарт. Слово было неправильным. Скорее – ясность. Мир, который последние три года был мутным, расплывчатым, затянутым алкогольной дымкой, вдруг обрёл контуры. Резкие, чёткие контуры. Колея в лесу. Коммутационный шкаф с замком без следов взлома. Грузовик на перекрёстке. Тридцать секунд.

Кто-то – умный, подготовленный, знающий маршрут Дроздова, имеющий доступ к системе видеонаблюдения – спланировал и осуществил операцию по извлечению человека из движущегося автомобиля на оживлённом шоссе. Сделал это за тридцать секунд. Увёз жертву – или добровольного участника – через лес на квадроцикле к параллельной дороге, где, вероятно, ждала другая машина.

Профессионально. Почти идеально.

Почти – потому что идеальных преступлений не бывает. Бывают ненайденные улики. И колея в лесу – это была улика, которую криминалисты не нашли, потому что искали ближе к шоссе, а не в двухстах метрах от него.

Волков вернулся к машине. Бирюков курил, прислонившись к капоту.

– Нашёл? – спросил он, увидев лицо Волкова.

– Нашёл. Колея от квадроцикла. Через лес, к грунтовой дороге, к посёлку. Двести метров от шоссе.

Бирюков выбросил сигарету.

– Криминалисты не нашли.

– Криминалисты искали рядом с дорогой. А нужно было искать дальше. Тот, кто это сделал, знал, что будут искать рядом. Поэтому маршрут через лес начинается не от обочины – от точки в тридцати метрах от шоссе, куда нужно идти пешком.

– Значит, схема такая: останавливают машину, усыпляют водителя, забирают Дроздова, несут – или ведут – тридцать метров до квадроцикла, дальше – через лес к грунтовке, там – другая машина.

– Всё это – за тридцать секунд, пока охрана задержана на перекрёстке. Плюс время на то, чтобы скрыться по грунтовке, пока охрана разбирается с неподвижным «Мерседесом». Ещё минуты три-четыре. Итого – четыре-пять минут на всё.

– Это возможно?

– Возможно. Если участвуют минимум трое: один ведёт грузовик, один работает с водителем и Дроздовым, один – на квадроцикле. Возможно – четверо, если учитывать того, кто отключил камеры.

– Профессионалы.

– Очень.

Они сели в машину. Бирюков завёл двигатель. Волков смотрел на лес за окном и думал.

– Костя, мне нужна информация о бизнесе Дроздова. Всё, что можно найти в открытых источниках. Судебные дела, тендеры, партнёры, конкуренты. Особенно – последние полгода.

– Сделаю.

– И ещё. Марина Дмитриевна говорила, что у Дроздова были проблемы. Что он изменился. Кто мог знать о его проблемах больше, чем бывшая жена?

Бирюков подумал.

– Партнёр. У Дроздова есть деловой партнёр – Виктор Рудольфович Шахов. Они вместе с конца девяностых. Шахов – финансист, тёмная сторона бизнеса. Дроздов строит, Шахов считает деньги. Если у Дроздова были проблемы – Шахов знал о них первым.

– Организуй мне встречу.

– Попробую. Но Шахов – не тот человек, который разговаривает с незнакомцами. Тем более – с бывшими следователями без лицензии и полномочий.

– Скажи ему, что я от Марины Дмитриевны.

– А если он спросит, в каком качестве?

Волков посмотрел на Бирюкова.

– Скажи, что в том самом.

Они ехали обратно в Москву. Дождь не прекращался. Волков закрыл глаза и прислонился головой к стеклу. Холодное стекло, вибрация двигателя, шум дождя – всё это было привычным, успокаивающим. Как колыбельная для мозга, который только что начал просыпаться после трёхлетнего сна.

Он думал о Дроздове. О человеке, которого он никогда не видел, но которого уже начал чувствовать – по обрывкам информации, по словам бывшей жены, по характеру его исчезновения.

Дроздов был контролёром. Человеком, который привык управлять ситуацией. Выбирал жену – бросил, когда перестала соответствовать. Строил бизнес – с нуля, системно, десятилетиями. Жил в Барвихе – в крепости, за забором, с охраной. Такие люди не становятся жертвами случайности. Они либо контролируют происходящее до конца, либо – теряют контроль, и тогда происходит катастрофа.

Что произошло с Дроздовым – контролируемое исчезновение или катастрофа?

Волков не знал. Пока.

Но он знал, что начнёт с Шахова. Деловой партнёр – это зеркало. Человек, который видит то, что скрыто от семьи. Финансы, долги, враги, тайные договорённости. Если у Дроздова были проблемы – Шахов знает, какие. Если Дроздов сбежал – Шахов знает, от чего. Если Дроздова убили – Шахов, возможно, знает, кто.

А если Шахов не захочет говорить – это тоже будет ответом. Молчание – всегда ответ. Иногда – самый громкий.

Они въехали в Москву. МКАД, пробки, фуры, рекламные щиты. Город проглотил их, как кит проглатывает планктон – безразлично, не заметив.

Бирюков высадил Волкова у дома.

– Я позвоню, когда договорюсь с Шаховым, – сказал он.

– Спасибо, Костя.

– Не благодари. Ещё не за что.

Волков стоял на тротуаре и смотрел, как «Пассат» уезжает. Потом поднялся в квартиру. Сел за стол. Открыл блокнот.

Нарисовал схему. В центре – Дроздов. Вокруг – имена. Марина (первая жена). Елена (вторая жена). Максим (сын, работает на отца). Алиса (дочь, живёт на деньги отца). Шахов (партнёр). Тарасов (водитель).

Стрелки, связи, вопросы.

Кто знал маршрут Дроздова в то утро?

Кто имел доступ к системе видеонаблюдения на шоссе?

Кто мог организовать грузовик на перекрёстке?

Кто имел мотив?

Мотив. Это было самым важным. Всё остальное – камеры, квадроциклы, седативные препараты – это инструменты. Инструменты можно купить. Мотив нельзя купить. Мотив – это то, что заставляет человека действовать.

Деньги? Возможно. Дроздов был богат.

Месть? Возможно. Дроздов занимался бизнесом тридцать лет, и в таком бизнесе враги – неизбежны.

Страх? Возможно. Если Дроздов сбежал сам – значит, он чего-то боялся. Чего-то настолько страшного, что предпочёл исчезнуть.

Волков писал, думал, рисовал стрелки. Потом положил ручку.

Посмотрел на шкаф под раковиной, за дверцей которого стояла последняя бутылка.

Не встал.

Вместо этого – лёг на диван, натянул одеяло и закрыл глаза.

Он заснул через двадцать минут. Впервые за три года – без водки.

Ему снилась Людмила. Она стояла в дверях их старой квартиры – той, на Таганке, где они жили десять лет – и смотрела на него. Не с упрёком, не с любовью, не с жалостью. С тем выражением, которое он так и не смог расшифровать – ни тогда, когда она была жива, ни потом, когда она ушла. Выражение, которое говорило: «Ты мог бы. Но не стал».

Он проснулся в четыре утра. Сел на диване. В квартире было темно. Кран капал.

Волков встал. Подошёл к раковине в ванной. Закрутил кран – сильно, до упора. Капать перестало.

Потом сел за стол и снова открыл блокнот.

Глава 4. Партнёр

Виктор Рудольфович Шахов согласился на встречу, но на своих условиях. Не в ресторане, не в офисе – в машине. Волков должен был прийти на парковку торгового центра «Метрополис» на Ленинградском шоссе ровно в четырнадцать ноль-ноль и ждать.

– Параноик, – сказал Бирюков по телефону. – Но умный параноик. Он согласился только потому, что я упомянул Марину Дмитриевну. Видимо, уважает.

Волков пришёл в тринадцать пятьдесят. Стоял на парковке – огромной, полупустой в будний день – и ждал. Дождь наконец прекратился, но небо оставалось серым, низким, давящим.

Ровно в четырнадцать ноль-ноль к нему подъехал чёрный «Рэндж Ровер» с тонированными стёклами. Задняя дверь открылась.

– Садитесь, – голос изнутри.

Волков сел.

В машине – кожаный салон, запах дорогого табака, негромкая музыка из динамиков – что-то классическое, Волков не разобрал. На заднем сиденье, рядом с ним, – мужчина.

Шахову было около шестидесяти, но он принадлежал к тому типу людей, которые не стареют, а как бы засыхают. Худой, жилистый, с длинным узким лицом, с тонкими губами и маленькими глазами, утопленными глубоко под надбровными дугами. Глаза были серыми – холодными, как вода в ноябрьской луже. Одет – в тёмно-синий костюм без галстука, белая рубашка расстёгнута на две верхних пуговицы.

Он смотрел на Волкова без выражения. Как смотрят на предмет мебели – оценивая, нужен ли он, и если нужен – куда поставить.

– Волков, – сказал Шахов. Не вопрос – констатация.

– Игорь Сергеевич.

– Я знаю, кто вы. Я навёл справки. Бывший старший следователь Следственного комитета. Уволен в две тысячи двадцать первом по результатам служебной проверки. Формулировка – «дискредитация должности». Фактически – алкоголизм и неподчинение руководству. Двое детей – сын и дочь – живут с бывшей женой. Бывшая жена – Людмила Волкова, скончалась в январе две тысячи двадцать второго года. Рак поджелудочной железы. Диагноз поставлен слишком поздно – четвёртая стадия. Вы не были на похоронах.

Каждое слово – как игла. Точно, холодно, без сарказма. Просто факты, выложенные на стол, как карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.